

Новости из России. 2006. 19 янв. с. 5

Валерий БАРИНОВ: «Мне все больше нравятся женщины-режиссеры»

Виктор Матизен

Известный еще по советскому кино и столичной театральной сцене, Валерий БАРИНОВ сегодня, кроме прочего, относится к актерам, востребованным в телесериалах. Прошедший год стал для Барина не только юбилейным (в ноябре ему исполнилось 60), но и одним из самых плодотворных. Немало времени заняла работа в сериалах «Девять неизвестных» и «Секретное поручение», а в апреле актер был удостоен престижной театральной премии имени Станиславского.

– Когда вас позвали в «Петербургские тайны» на роль Хлебонасущенского, вы быстро поняли, что вас посадили в пушку и выстрелили на всеобщее удивление?

– Леонид Пчелкин, приглашая меня, сказал: «Есть для тебя роль. Управляющий, подворовывает, зануда, жмот, все строится на том, что у него просят денег, а он говорит, что их нет. Одно могу пообещать – роль большая, заработаешь много». Сыграв первую же сцену, я сказал, что это гениальная роль. Пчелкин засмеялся и сказал: «Да ладно тебе!» Но я знал, что говорил, потому что до этого играл Лужина в «Преступлении и наказании». Хлебонасущенский-то из него вырос...

– Глядя на вашу игру, говорят: «школа Малого театра». Как бы вы определили эту школу?

– Она закладывает основы актерской техники – постановку голоса, речи, сценического движения. Я не говорю про актерский талант, он либо есть, либо его нет. Нельзя научить человека быть артистом – артистом надо родиться.

– Некоторым кажется, что это так просто – играть.

– То, что мы часто видим по телевизору, действительно может играть каждый. Многие люди могут органично вести себя перед камерой, даже способны выйти на сцену и нечто изобразить. И люди что-то в этом находят. Но это обманчивое, даже губительное впечатление. Профанация актерской игры. Школа Малого театра – это трепетное отношение к тому, чем ты занимаешься. Как говорил Щепкин: «Священнодействуй или убирайся вон!» Когда меня, уже достаточно известного и самоуверенного актера, пригласили в Малый театр на встречу с Соломиным, который был одним из педагогов нашего курса в Щепкинском училище, на меня напал трепет перед этими стенами. Я вошел в его кабинет, думая: «Только держись!» И когда Юрий Мефодиевич спросил: «Ну что, Барин?» – я, который относился к нему с глубочайшим уважением, брякнул: «А что, Соломин?». Такое вот нахальство от неуверенности.

– Встречаетесь со своими однокурсниками?

– У всех выпусков Виктора Ивановича Коршунова есть «курсовой день» – 7 сентября. За сорок лет я пропустил его только раз. Это такое братство, в которое я прихожу, как домой. Не представляю, что должно случиться, чтобы я не пришел. Никогда не был так счастлив, как в те четыре года, которые я провел в Щепкинском. Прихожу на эту встречу, и мне надо с кем-то поделиться, как я провел этот год. Надо, чтобы кто-то из молодых посмотрел на меня с восхищением или с иронией. Чтобы кто-то из ровесников назвал меня Валерушкой, как называла мама...

– Помимо встреч с юностью, «традиционные сборы» – еще и выставка достижений личного хозяйства.

– Фокус в том, что приходят и люди, ушедшие из профессии, ничего не добившись. Да, есть такие, кто хотел бы похвастаться. Но на этом фоне хвастать своими достижениями не то чтобы некорректно, а нет нужды. Все и так все знают.

– Вы наблюдательный человек?

– Чем хороша профессия актера – что бы с тобой ни случилось, плохое или хорошее, все идет в профессиональную копилку. И всем этим ты торгуешь. Это не цинизм. Помните фильм Вайды «Все на продажу»? Там о нашей профессии сказано все. Причем копилка неизвестно когда выстрелит. Еще студентом я приехал в орловскую деревню хоронить дядю. Замечательный был человек, многому меня научил. Мама попросила меня обить крышку гроба. И вот я вколачиваю гвозди и вдруг ловлю себя на том, что пою. Тогда меня это страшно поразило, и я сказал себе: «Запомни». Сорок лет прошло, я репетирую «Скрипку Ротшильда» у Камы Гинкаса, а там герой делает гроб для жены. Я всяля доски, стал строгать и запел «Летят утки». Гинкас придумал для этого спектакля фантастические остановки. Человек строгает гроб, поет – и вдруг останавливается. Стоит его жена и смотрит, как он делает ей гроб. В зале тишина как перед ужом, будто тыдиша, боясь дышать. Что у нас, что за границей, хотя вообще-то реакция здесь и там разная. Там сначала все смеются и думают, что пришли на комедию. А потом р-раз – и пойманы. Наши более насторожены: «Не проведешь – знаешь, что сейчас начнется...» И все равно ловятся.

– Некоторые актеры всю жизнь работают в одном месте – в том же Малом, например. А вы не раз переходили из театра в театр, играете на многих площадках. Почему?

– Смена места пробуждает во мне силы, амбиции, дает возможность по-новому себя проявить. Это как любовь или влюбленность...

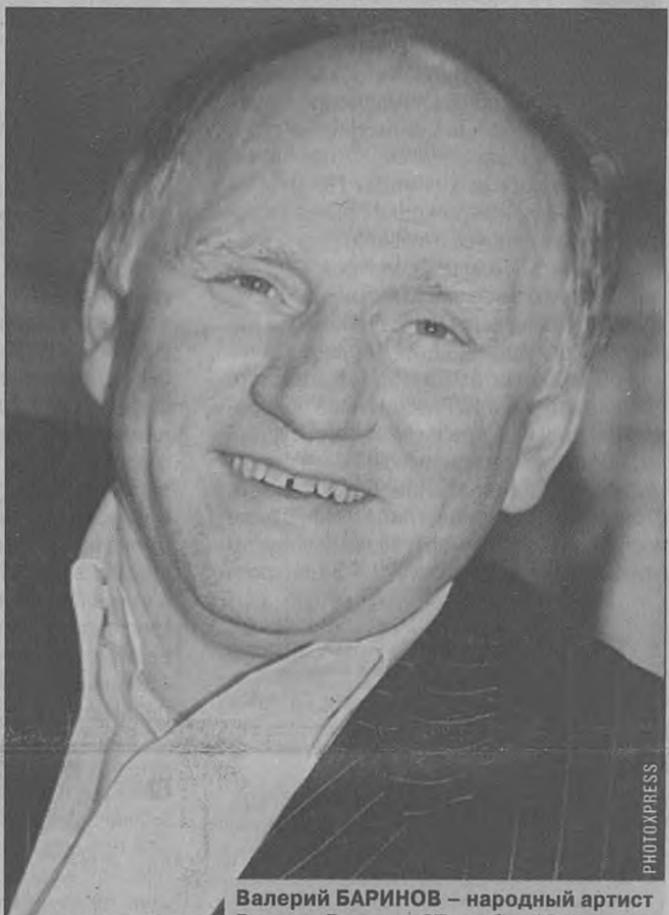
– Новое место – всегда риск. Не боитесь провала?

– Вы знаете, я всю жизнь его жду. Настоящего, сносшибательного провала. Но его до сих пор не было. Я всегда умудрялся выйти если не в белом, то в сером костюме. Потому что вместе с предчувствием провала во мне живет уверенность, что я вовремя выскочу. Собственно говоря, на этих качелях и строится моя театральная жизнь.

– Вы идеалист?

– Да, и не стыжусь в этом признаться. Более того, считаю, что искусство должно создавать идеалы. У нас об этом как-то забыли. Возьмите знаменитый сериал «Бригада». Он профессионально сделан и достаточно правдив. Я ведь знаю, что в 90-е годы в обществе молодых людей признаться: «Я – бандит» – было то же, что в 60-е сказать: «Я – физик». Но ведь кино – это не только профессионально сделанная вещь и верное отражение жизни. Кино – это то, чему подражают, на что ориентируются. Нельзя же в качестве образца подставлять бандита!

– Если бы изобрели машину времени, вы хотели бы сыграть со Щепкиным? Вписались бы в актерский ансамбль XIX века?

Валерий БАРИНОВ – народный артист России. Родился 27 ноября 1945 года в деревне Жилино Орловской области. В 1968 году окончил Высшее театральное училище при Малом театре. С 1968-го по 1974 год играл на сцене Ленинградского театра им. А.С. Пушкина. В 1974 году переехал в Москву и по 1988 год работал в труппе Центрального театра Советской Армии. С 1988-го по 1991 год работал в Театре им. А.С. Пушкина. С 1992 года – актер Малого театра. В кино дебютировал в 1968 году в картине Игоря Добролюбова «Шаги по земле». С тех пор на его счету около 60 картин и сериалов, среди которых «Вишневый омут», «Красные колокола», «Строговы», «Родник», «Петербургские тайны», «Марш Турецкого», «Водитель для Веры». Актер также работает на радио, читает прозу Ивана Шмелева, прозу и стихи Ивана Бунина. Лауреат международной премии имени К.С. Станиславского (за театральную работу, 2004).

– Конечно! И со Щепкиным, и с Садовским, и с Мочаловым, и с Каратыгиным, и с Давыдовым, и с Южиным. Не знаю, смог бы, но попытался бы. Это было бы совсем другое исполнение! В Александринке мне иногда выпадало играть с Николаем Симоновым. У него была определенная условность в подаче материала. «Театральность», как иногда говорят. Так вот, я тоскую по его знаменитым воплям. Когда он в спектакле «На дне» выкрикивал «Челове-е-е-ек! Это звучит гордо!», у меня дрожало под коленками. Я мог просидеть целый акт, чтобы дожидаться от него двух-трех слов, от которых шевелятся волосы. А «Маскарад» в Театре Моссювета с Мордвиновым, который произносил: «Послушай, Нина!» Это не было естественно, но это было потрясающе. Я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь сейчас поставил Шекспира или Лермонтова в стихах. Это же грандиозная форма! Может, на старости лет я с ума схожу, но мне ужасно не хватает в современном драматическом театре оперы...

– А в опере не хватает театра?

– Конечно, появление МХАТа было реакцией на театральные условности XIX века. Художественный театр был ближе народу, потому что там говорили почти как в жизни. Но может быть, пришло время сделать шаг назад? Над оперностью в театре сначала будут смеяться, но потом, может быть, сядут на крючок. Мне кажется, это было бы интересным экспериментом.

– Что-то мы все о мужчинах. Давайте немного о женщинах...

– Играть с хорошей партнершей – это такое удовольствие! С Женей Глушенко, с Аней Каменковой. А в последние времена все больше нравятся женщины-режиссеры. Мужские вобще все время пытаются доказать свою состоятельность, а мужчины-режиссеры – особенно. Просто комплекс превосходства какой-то. У режиссеров-женщин этого нет. К тому же они более конкретны, чем мужчины, и не устраивают истерик, которые наблюдаются у мужчин.